

СОЛО ■ "ЛЕНКОМ" *Куражте. - 1995. - 5 мая. - с. 12.*

Серебряные кольца для Марии

Завсегдатаи "Ленкома" могут и не знать ее фамилии. А вот голос знают. Ирина Музазян поет небольшие соло в "Юноне" и "Авось", исполняет в "Поминальной молитве" вокализ, ставший лейтмотивом спектакля. А еще она в "Ленкоме" — главный хормейстер и педагог-вокалист.

— Ира, как оказались в "Ленкоме"?

— У меня родители — несостоявшиеся музыканты: отец мечтал стать пианистом, мать — певицей, в результате оба — доктора наук, инженеры. Ну и я попробовала всего понемножку. В детстве с удовольствием ходила в музыкальную школу, потом в училище, окончила музыкально-педагогический институт как пианистка. Еще у меня диплом строительного института, год пробыла на факультете журналистики МГУ, на филфаке, но все бросала, понимала — не мое. Всю жизнь хотела петь. Как-то оказалась в Ереване в гостях у знакомых, там меня услышала концертмейстер Гоар Гаспарян, познакомилась с певицей — и та взяла меня к себе в консерваторию сразу на третий курс.

Потом я пять лет пела у Минина в камерном хоре. Это было кошмарно тяжело, шутили, что там год за десять идет. Зато весь мир с ними объездила, так что жаловаться грех. В "Ленкоме" оказалась случайно: сначала с хором, потом взяли подпеть соло в "Юноне" и "Авось", я обрадовалась — все-таки возможность подработать. Следом Захаров попросил позаниматься с актерами пением — и вот с тех пор я в "Ленкоме" пою, преподаю, руковожу хором. Когда готовился "Безумный день", всех поющих участников свалили на меня: обучай! И надо же, оказалось, что ребята мои как на подбор, в институте от вокала были освобождены за непригодность. Но народ оказался чудный, работоспособный невероятно, а главное, все как

дети, которых, чтобы научить, обязательно надо любить. Ну а я моих артистов обожаю!

В "Ленкоме" я впервые в жизни почувствовала, что попала в свою ячейку. Здесь ведь как? Марк Захаров — это Бог, театр — Вселенная, а мы в ней ковыряемся. Бывает, в выходной сюда зайдешь — ребята тут как тут, сидят в буфете, отдыхать вне родных стен вроде не тянет. Знаете, что для меня самым большим комплиментом в жизни было? Когда услышала от Захарова на каком-то показе: "Ну, Ирочка, вы же театральный человек..."

— Как домашние вашу занятость терпят?

— Сами такие же. Муж, Николай Матинян, модельер по театральным костюмам, работает у Петера Штайна на "Орестее". Сын в свои пятнадцать учится в театральном лицее, а еще с утра до ночи занят в Музыкальном театре юного актёра, так что дома еще позже меня появляется.

— Как при немислимых театральных загрузках смогли подготовить собственную сольную программу?

— Сама не знаю. Наверное, иначе все равно было бы скучно жить. Называется программа "Аве, Мария, Аве, или Серебряные кольца для Марии". Это четырнадцать произведений, созданных в период с XVI по XX век и славящих деву Марию. Они составляют целостный цикл, который идет без перерыва, а не так, чтобы спела — нохлопали. Такое музыкальное действо, сопровождаемое синтезатором, за которым — пианист, композитор и аранжировщик Александр Лавров. Поначалу я пела все это в сольных концертах с участием пианиста и гобоиста. Но с Сашей мы уже тогда сотрудничали: он для меня сделал программу из оперных арий, которые сам называл фильмами. По мне, это скорее обойма клипов, которые вполне можно было бы снять, если б деньги были. Мою "Аве, Марию"

Саша услышал несколько позже премьеры, уже после своего возвращения из Европы, куда отбывал в качестве джаз-пианиста. Тут же одобрил: "Классная музыка!" Потом добавил: "Но тоска зеленая, давай мы ее сделаем, как те арии..." И сделали. Получилось это у Саши, по-моему, виртуозно: у него звучит то неаполитанский оркестр, то симфонический, то стейнвейновский рояль, как в "Аве, Мария" Бизе, то клавесин, то гобой. А в самой ранней вещи — "Мадригале" Каччини — в звучание органа вдрут вплетается джазовая труба.

Все это мы сначала записали в пятой студии ГДРЗ — спасибо, дала деньги Международная конфедерация театральных союзов. Ну и очень помог звукорежиссер Олег Тимофеев: согласился писать по ночам, что-то и вовсе делал даром. А впервые "Аве, Мария, Аве..." исполнил 6 мая в костеле Непорочного Зачатия Девы Марии. На начало июня намечена презентация диска и программы на сцене "Ленкома". Ужасно этого боюсь, хоть там уже и выступала. И сейчас готовлюсь к новой роли — в спектакле "Королевские игры" я все время на сцене: пою и изображаю нечто пока без названия. Скорее всего, это изнанка души — то ангельская, то божья. Речь идет об истории любви короля Генриха и Анны Болейн. Пьесу написал Григорий Горин, ставит спектакль Марк Захаров. И сам называет это оперой для драматического театра. А музыка Шандора Каллоша: будет играть синтезатор, ударные в большом количестве, сам автор — на лютне, актеры — кто на скрипке, кто на блок-флейте. И все поют! Кстати, "Аве, Мария" Каллоша в мою сольную программу тоже вошла: это первое ее исполнение. И вообще я театру многим обязана. С тех пор как туда пришла, то и дело слышу от друзей: "Ты поешь не как певица — как актриса!"